

— Мне немного неловко, ведь приходится идти на поводу у врага и угрожать деловому партнеру, с которым я еще не успел заключить перемирие, — Фэй Ду с трудом выговаривал слова. Хотя металлический обруч на его шее не был затянут до конца, одно только знакомое прикосновение уже вызывало удушье. Казалось его собственный голос вот-вот разорвет горло на части. — Наверняка председатель Чжан прямо сейчас хочет проделать дыру в моей голове.

— Врачи говорят, что мне осталось жить не больше трех месяцев. Смерть для меня – всего лишь запоздалое возвращение домой, — сказал Фань Сьюань Чжан Чуньлину и указал на Фэй Ду. — Ты можешь выстрелить в меня прямо сейчас. Если готов рискнуть и проверить, кто из нас успеет первым: ты убьешь меня или я его.

— Мне как-то не очень хочется умирать. В конце концов, я ведь не болен, — сказал Фэй Ду. — Так что... Председатель Чжан, Чжан Дунлай связывался с вами?

Когда Чжан Чуньлин услышал скрытый намек в этих словах, на его висках вздулись вены. Каждую минуту с телефона Чжан Дунлая присылали фотографии, на которых тот был связан и прижимал к себе огромный таймер с обратным отсчетом. Цифры на дисплее неуклонно убывали; на последнем снимке оставалось всего три минуты.

Это была территория Чжан Чуньлина, он мог с легкостью обезвредить залежи горючего под землей, устранить засаду Фань Сьюаня и одним движением руки раздавить их, как перезрелые арбузы. Но пистолет Фань Сьюаня упирался в голову Фэй Ду, а сам Фэй Ду держал на прицеле Чжан Дунлая. Чжан Чуньлин с детства не знал семейного тепла, потому безоглядная любовь к собственным детям и приверженность кровным узам были неотъемлемой его частью. Чжан Дунлай, находившийся далеко за пределами страны, был для него всем.

Трое главных действующих лиц на сцене плюс один невольный участник событий за ее пределами – избалованный богатый мальчишка Чжан Дунлай, сплелись в смертельное кольцо. Преодолев десяток часовых поясов и безбрежный океан, они застыли в идеальном противостоянии.

Но время неумолимо ускользало.

— Похоже, чтобы нарушить равновесие, один из нас четверых должен умереть. Кто первый? — Фань Сьюань с лукавой улыбкой посмотрел на Чжан Чуньлина. — Твоя территория, тебе и решать.

Притаившийся в углу Сяо Хайян уже собирался броситься вперед, но его сбил с толку этот замысловатый «четырёхугольник». Он растерялся и не знал, с чего начать вмешательство.

Лан Цяо вмиг добежала до выхода из потайного туннеля и уже хотела выскочить наружу, как вдруг о чем-то вспомнила. Она замерла и дважды постучала по стене у входа. Казалось, разбитый телефон и правда каким-то чудом оберегал ее. Эта внезапная находчивость сослужила Лан Цяо отличную службу – стоило ей постучать, как снаружи тут же послышался шорох. Кто-то подошел к выходу и тихо спросил:

— Что случилось?

Как и предполагалось, те трое оставили снаружи дозорного!

Лан Цяо выдохнула, и в тот момент, когда противник наклонился, чтобы заглянуть в проход, неожиданно метнула наручники, словно нунчаки. Когда те обвили вокруг ноги дозорного, она резко дернула их в сторону. Мужчина потерял равновесие, и с криком повалился назад, попытавшись при этом пнуть ее.

Увернувшись, Лан Цяо тут же стремительно выбралась из туннеля. Но едва она ступила на твердую землю, как у самого уха резко просвистел порыв ветра. Лан Цяо инстинктивно вскинула руки, и в ту же секунду на ее предплечья с треском обрушилась тяжелая деревянная палка.

Руки Лан Цяо онемели от резкой боли, и она выронила пистолет. Здесь был не один дозорный!

Тем временем, поваленный мужчина уже поднялся и с ножом в руке бросился на нее.

Это место отличалось от узкого потайного хода, здесь уже нельзя было застать противника врасплох, поэтому Лан Цяо сразу оказалась в невыгодном положении. Ей едва удалось отбить нож наручниками, как на ее плечо снова обрушилась тяжелая палка. От полученного удара ее внутренности содрогнулись, и Лан Цяо, пошатнувшись, упала на колени. В тусклом свете она неожиданно заметила, что у нападавшего на поясе висит пистолет.

Если у них есть пистолеты, зачем тогда лезть с ножом и палкой? Ради показухи, что ли?

Почти все люди «Чтеца» уже спустились под землю. Кого же они так боятся предупредить?

На долю секунды в голове Лан Цяо промелькнула мысль. Она вскочила и, неуклюже кувыркаясь по земле, бросилась к пистолету, который только что выбили у нее из рук. Палка толщиной с предплечье взмыла в воздух и с силой ударила ее по поясице. Лан Цяо показалось, что ее разрубили пополам. Второй головорез незамедлительно подскочил к ней и замахнулся ножом:

— Сдохни!

В этот момент в неприметную хижину невесть откуда ворвался луч света. Оба преступника замерли, ошеломленные. Лан Цяо не упустила шанс: она метнулась в сторону, схватила с земли горсть песка и метко швырнула ее в лицо одному из них. Сбитый с траектории нож вонзился в её вязаный свитер, вспоров его, и скользнул холодным лезвием по коже. Отчаянно перебирая руками и ногами, она доползла до пистолета, в этот момент противник с размаху обрушил палку, целясь ей в голову.

В тот же миг Лан Цяо перевернулась и нажала на курок, дважды выстрелив в голень бандита...

В лесу у подножия горы вдруг раздались выстрелы. Ло Вэньчжоу, обыскивавший старую лесопилку, тотчас поднял голову.

В этот момент телефон в кармане Чжан Чуньлина снова завибрировал, оповещая о новом сообщении.

Даже не глядя, Чжан Чуньлин знал, что на табло, ведущем обратный отсчет жизни Чжан Дунлая, оставалось всего две минуты!

Если никто не переломит ситуацию, первым умрет Чжан Дунлай!

Чжан Чуньлин покрылся холодным потом.

— Чжан Чуньлин, ты погряз во зле. Взгляни на овощ на больничной койке. Когда-то вы с Фэй Чэньюем вместе творили темные дела. Думал ли ты, что однажды вы встретитесь при подобных обстоятельствах?

— Замолчи... Заткнись! — сказал Чжан Чуньлин.

— Что касается Фэй Чэньюя, он выходец из бедной семьи. Когда он был маленьким, его отец попал в тюрьму за преднамеренное убийство. У их семьи не было постоянного дохода, и они выживали, полагаясь на подаяния добрых людей. Один такой добряк поддерживал его до самого поступления в университет, пока тот не положил глаз на его единственную дочь. Ах, да, я неправильно выразился. На самом деле он возжелал не глупую бесполезную женщину, а их огромное состояние. Благодетель быстро понял, какой подонок скрывается за личиной приличного молодого человека, поэтому запретил дочери общаться с ним и прекратил всякую помощь... Думаю, мне не нужно говорить, чем все закончилось. Фэй Чэньюй возомнил себя героем «Грозового перевала(1)», а по сути, это была басня о крестьянине и змее(2). Я прав, президент Фэй?

Обескровленные губы Фэй Ду тронула легкая улыбка.

— Ты унаследовал от него все: состояние, подлость и грязные приемы. Если председатель Чжан решится отказаться от своего драгоценного сыночка, то ты тоже потеряешь для меня всякую ценность. Но, похоже, ты еще никого не убивал, так что ради справедливости я сделаю тебе небольшое одолжение... Как насчет выбора?

Фэй Ду взглянул на металлическое кольцо, свободно висевшее у него на шее. Такое знакомое и в то же время чужое.

Когда он был совсем ребенком, к другому концу установки крепилась связка простых колец,

которые в приступе удушья заставляли его сжимать пальцы, сдавливая шею маленьких животных.

Позже этот металлический обруч стал частью более сложного устройства: другой его конец закреплялся на шее человека, а в центре механизма находилось небольшое кольцо-рычаг. Стоило ему инстинктивно сжать его, как лицо напротив искажалось в страхе и удушье... и тогда он мог сделать лишний вздох.

Фэй Чэньюй сам изобрел это изощренное орудие пыток – порождение его садистской фантазии.

Теперь же его великое творение защелкнулось металлическим кольцом на его собственной шее.

— Председатель Чжан, похоже, все еще колеблется... Президент Фэй, раз уж нам все равно приходится ожидать, давай скоротаем время за игрой? Что предпочтешь: умереть сам или отплатить за все обиды и отправить Фэй Чэньюя на тот свет первым?

Не успел он договорить, как один из подручных шагнул вперед и поднял Фэй Ду за металлическое кольцо на шее.

Фэй Ду не оставили ни малейшей возможности для сопротивления. Когда его грубо подняли с земли, с его лица наконец исчезло неизменно равнодушное выражение, и он рефлекторно закашлялся. Сяо Хайян больше не мог сдерживаться. Он вытер вспотевшие ладони о штаны, схватил пистолет и бросился вперед, закричав во всю мощь:

— Полиция! Не двигаться!

На середине слова «полиция» его голос сорвался, и звук взмыл так высоко, что, казалось, ударился о потолок подвала. Все, как по команде, обернулись: вооруженные до зубов бандиты хищно уставились на очкарика, вылезшего из потайного хода. У молодого человека так дрожали икры, что штанины сами по себе ходили ходуном, будто их трепал ветер. Он успел выкрикнуть только «не дви...», как вдруг вспомнил, что снова забыл снять пистолет с предохранителя, и тут же принялся вертеть его в руках, словно дурачась.

На мгновение даже на лице Фэй Ду мелькнуло странное выражение, будто на происходящее было невыносимо смотреть.

Сяо Хайян совершенно не осознавал, в каком неловком положении оказался. Он решил во что бы то ни стало произнести свои реплики до конца, взревев:

— Вы арестованы! Бросайте оружие! Руки вверх!

...Но никто не обратил на него внимания.

— Учитель Фань, пожалуй, я нарушу это «равновесие», — глаза Фэй Ду блеснули. Улучив момент, пока все отвлеклись, он заговорил. Хотя обращался он к «учителю Фаню», смотрел он при этом на женщину по имени Жобин: — Перед арестом Чжу Фэн и Ян Синь, со мной связался таксист, представившийся вашим человеком. Он был крайне неосторожен и за ним легко установили слежку, именно по его следу полиция вышла на Ян Синь и остальных. Ты ведь это нарочно подстроил?

Женщина рядом с Фань Сьюанем на миг застыла, а затем, словно обжегшись, отдернула руку от спинки инвалидной коляски.

— Фу Цзяхуэй раскрыли, так что от Ян Синь тоже больше не было толку. Ее бегство только запутало бы следствие и дало Чжан Чуньлину и другим шанс воспользоваться ситуацией. Поэтому ты нарочно свел ее с Чжу Фэн, чтобы...

Уловив скрытый намек в его словах, Жобин невольно отступила и покачала головой, словно не в силах поверить.

Фань Сьюань закричал на мужчину, державшего переключатель металлических обручей:

— Чего застыл?!

— ...разоблачить, но ты все равно дезинформировал их и вооружил, потому что...

Слова Фэй Ду оборвались, когда металлический обруч на его шее резко сжался. Вместе с привычным удушьем его поглотила крошечная тьма, а память распахнула перед ним свою кровожадную пасть.

Подвал, окоченевший труп, окровавленный мех, женский крик... обрывки воспоминаний с грохотом взорвались в его сознании. Мужчина, защелкнувший металлический обруч на его шее, перерезал веревки у него на руках. Смертоносное кольцо было совсем рядом, и он инстинктивно потянулся к нему.

В тот же миг Жобин поняла, что не успел договорить Фэй Ду.

«Потому что...»

Потому что Фань Сьюань слишком хорошо понимал своих марионеток. Он знал, что все они вырезаны из древесины, пропитанной ядом, и не заслуживают прощения. Также он ни капли не верил, что Фэй Ду и впрямь так невинен, как хотел казаться. Он не сомневался, что тот обнаружит склад, где скрывались Ян Синь и остальные, и, когда придет время, между двумя сторонами непременно произойдет вооруженный конфликт. Незаконное хранение оружия и

нанесение тяжких телесных повреждений точно привлечет внимание полиции. Таким образом, он убьет одним выстрелом двух зайцев: избавится от бесполезного мусора и от коварного Фэй Ду.

Но все пошло не по плану: вопреки ожиданиям, Фэй Ду сохранил спокойствие и не поддался на провокацию, так что первой склад обнаружила полиция.

От волнения разум Сяо Хайяна помутился. Он резко повернулся и нацелил пистолет на Фань Сьюаня:

— Отпусти его!

В голове у Чжан Чуньлина загудело. Из происходящего вокруг и пары фраз, брошенных Фэй Ду, он уловил скрытый смысл: Фань Сьюань нарочно раскрыл Фэй Ду склад, где прятались Ян Синь, Чжу Фэн и остальные. Однако те, кто должен был оказаться у Фэй Ду на прицеле, по какой-то причине попали в руки полиции.

К тому же, когда они напали на Чжоу Хуайцзиня, который тайно сговорился с Фэй Ду, полиция прибыла подозрительно быстро.

Фэй Ду с легкостью получал внутреннюю информацию полиции. Если дело не только в том, что он водил полицейских за нос, то, возможно...

А теперь, когда он увидел перед собой этого очкарика, назвавшегося «полицейским», что ещё могло быть непонятно Чжан Чуньлину?

Ловушка, расставленная Фэй Ду, вовсе не была безупречной. Просто Чжан Чуньлин потерял способность трезво мыслить из-за беспокойства о сыне, а Фань Сьюань, будучи предвзятым, с самого начала считал Фэй Ду плохим человеком. Вот почему оба упустили некоторые детали. И похоже, Фань Сьюань до сих пор так ничего и не понял!

— Ты предлагаешь мне самому выбрать, как разорвать этот круг? — за долю секунды выражение лица Чжан Чуньлина несколько раз переменялось. В самый неожиданный момент он поднял пистолет, холодно усмехнулся и выстрелил в Фэй Ду.

Равновесие было нарушено!

Люди, удерживающие Фэй Ду, машинально оттащили его в сторону. Пуля пролетела мимо его плеча и ударилась о ножку больничной койки Фэй Чэнъюя. Ситуация на месте событий вновь повернулась на сто восемьдесят градусов. Подчиненные Чжан Чуньлина и Фань Сьюаня открыли друг по другу стрельбу.

У Сяо Хайяна волосы встали дыбом. В этой суматохе он бросился к Фэй Ду.

В этот момент Жобин отступила к стене и неожиданно закричала:

— Он заложил бомбу под койку! Если сожмешь кольцо...

Она не успела договорить, как в следующий миг в нее попала пуля. Женщина глухо застонала и повалилась вперед.

Ее крик прогремел, словно раскат грома, резанув по ушам. Фань Сьюань резко повернулся к Фэй Ду, державшему в руке смертоносное металлическое кольцо. Однако по какой-то неясной причине, тот упорно не сжимал его сильнее, готовый скорее сам задохнуться, чем довести дело до конца. Едва удерживая остатки сознания, Фэй Ду посмотрел затуманенным взглядом на Фань Сьюаня и улыбнулся, как будто видел его насквозь.

Когда прозвучало слово «бомба», Чжан Чуньлин вздрогнул от ужаса. Несколько его подчиненных, не раздумывая, рванули вперед, пытаясь прикрыть его и вывести из-под бешеной атаки людей Фань Сьюаня, превратившихся в озверевших псов. В то же время Чжан Чуньлин снова выстрелил в Фэй Ду, державшего в руке металлическое кольцо.

Сяо Хайян закричал, резко дернул больничную койку Фэй Чэньюя и, бросившись на Фэй Ду, затащил под нее. В тот момент что-то выпало у него из кармана вместе с пистолетом. Фань Сьюань неизвестно откуда взял силы: он оттолкнул инвалидное кресло и, прикрываясь телами своих подчинённых, пополз вперёд, словно чудовище, одновременно стреляя и приближаясь к Фэй Ду и остальным.

Уже отступивший ко входу в тайный проход Чжан Чуньлин вдруг услышал позади перепуганный крик подчиненного:

— Председатель Чжан, там...

Чжан Чуньлин не успел оглянуться, как раздался выстрел, и руку, державшую пистолет, пронзила резкая боль. Пуля с поразительной точностью пробила его ладонь насквозь.

На этот раз все было по-настоящему...

— Полиция! Не двигаться!

Не обращая ни на что внимания, Фань Сьюань направил пистолет на Сяо Хайяна, который прикрывал Фэй Ду собой:

— Нажимай! Нажимай же! Фэй Чэньюй столько раз учил тебя душить мать этой штукой! Ты забыл? Разве ты не желал ему смерти!? А?

Эдмон Дантес. Конец 5 тома.

1. В случае с Фэй Чэньюем проведена аналогия с Хитклифом, персонажем романа "Грозовой перевал". Как и Фэй Чэньюй, Хитклиф применял насилие в отношениях.

Будучи жестоким и мстительным человеком, он издевался над Кэтрин, хотя их связь весьма сложна и противоречива. Он оскорблял её, принуждал к психологическим страданиям и даже совершал физическое насилие, что привело к её страданиям и, в конце концов, смерти. Его отношение к Кэтрин и другим персонажам романа можно считать примером токсичной, разрушительной любви, которая вносит значительный вклад в трагизм произведения.

Также сравнение с Хитклифом подчёркивает, что Фэй Чэньюй видел себя героем, жертвой чужой подлости и классового неравенства. У него была "великая" любовь, а он пострадал из-за жадных богачей. Он драматизировал свою судьбу, оправдывал свои действия как вынужденные и трагические.

2. Басня: Фермер и змея

Однажды зимним утром фермер увидел на дороге окоченевшую от холода змею. Ему стало жаль ее, и он решил спасти её. Он положил змею в корзину и принёс домой, устроив рядом с тёплой печкой.

Когда змея отогрелась и пришла в себя, она внезапно укусила фермера.

— Как ты могла? — с болью в голосе вскрикнул фермер. — Я спас тебя, а ты отплатила мне злом!

Змея хладнокровно ответила:

— Я не виновата. Это моя природа. Ты знал, кто я, когда решил мне помочь.

Басня воплощает идею неблагодарности и предательства. Это сравнение указывает на безжалостную природу Фэй Чэньюя.

<http://bllate.org/book/12932/1135263>